

Яр Кремень

Последний звонок. Цикл «Вещи
помнят»

Яр Кремень
Последний звонок.
Цикл «Вещи помнят»
Серия «ВЕЩИ ПОМНЯТ», книга 12

*<https://litres.ru/73505157>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Последняя ночь старого таксофона на пустыре. Утром его демонтируют. А пока ток ещё течёт по проводам, сквозь шум и статику прорываются голоса. Пьяный из 1998-го, ищущий Любу. Мальчик, исправивший двойку. Старик, которого бросил сын. Раиса Петровна с рецептом борща, перепутавшая номер морга с пиццерией. Девушка под дождём, кричащая «Я согласна!». Мужчина, признающийся в любви автоответчику. Сергей, звонящий мёртвому отцу. И хор из десятков других – счастливых, отчаявшихся, смешных, страшных. Сорок лет он хранил их тайны. Сорок лет был исповедником для тех, кто не мог пойти в церковь. А на рассвете придут рабочие с кусачками, и рыжая кошка Муся, та, что провожала уже столько вещей, проводит и его. Потому что даже у телефонов есть душа. И даже после смерти голоса остаются в ржавчине, в проводах, в кошачьем мурлыканье. «Нас больше нет. Но мы были. И наши голоса остались. Вещи помнят».

Содержание

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК	4
Ночь на пустыре	5
СТЕНОГРАММА ЗВОНКОВ	10
23:15 14 марта 1998	10
23:42 12 мая 2005	13
00:07 22 февраля 2010	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Яр Кремень
Последний звонок.
Цикл «Вещи помнят»
ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

(таксофон)

Ночь на пустыре

Он стоит здесь сорок лет.

Луна висит над пустырём низко, почти касаясь краем ржавых труб заброшенной котельной. Свет её холоден и беспощаден: он вырывает из темноты облупившуюся зелёную краску, трещины в стекле будки, глубокие царапины на металлической стойке – следы от ножей, от ногтей, от времени. Каждая царапина – чья-то история. Вон та, глубокая, крест-накрест – пьяный в 1995-м пытался вырезать имя «Лена», но рука дрогнула. А эти, мелкие, как кошачьи, – их оставила девочка, которая ждала звонка от мамы и от скуки царапала стенку ногтем.

Таксофон похож на старого солдата, которого забыли на посту. Он ещё держится, хотя сил почти не осталось. Корпус проржавел насквозь, в некоторых местах видны дыры, и оттуда торчат разноцветные провода – красные, синие, жёлтые, как высохшие вены. Трубка давно треснула, и в трещину забились грязь, смешанная с пеплом от чьих-то сигарет. Диск с цифрами стёрся, и теперь невозможно разобрать, где какая цифра – только двойка ещё угадывается, да ноль, почти стёртый пальцами тысяч людей.

Ночь осенняя, сырая. Ветер гоняет по асфальту обрывки газет, пустые пачки из-под сигарет, целлофановые пакеты. Они шуршат, цепляются за ножки будки, застревают в ку-

стах. Одна газета, «Вечерка» за 2015 год, прилипла к ступеньке, и ветер перелистывает страницы: кризис, санкции, курс доллара, некрологи. Где-то далеко, за пустырьём, спит город: редкие огни высоток, гул трассы, приглушённый расстоянием, похожий на дыхание огромного зверя. Ближе – лай собак, крик ночной птицы, звон разбитой бутылки. Кто-то празднует, кто-то плачет, кто-то просто идёт мимо.

Внутри будки пахнет мочой, ржавчиной, гнилью и чем-то сладковато-приторным – то ли забродившим яблоком, то ли смертью. Стекло в двери разбито, и ветер свободно гуляет внутри, шевелит остатки телефонного справочника, приклеенного к стене жвачкой. Страницы пожелтели, имена стёрлись, но некоторые ещё можно прочесть: «Такси 24 часа», «Саша +7 912...», «Ленка, я люблю тебя, позвони». Нацарапано шариковой ручкой, прямо поверх инструкции пользования.

Таксофон слушает этот ветер. Сквозь него, сквозь шорохи, сквозь тишину, он слышит другое – слабое гудение в проводах. Ток едва течёт, всего несколько миллиампер, но его достаточно, чтобы помнить. Чтобы чувствовать, как внутри, глубоко в микросхемах, ещё живут голоса. Они не говорят – они дышат. Каждый выдох – обрывок фразы, вздох, смех, плач. Сорок лет голосов, сорок лет чужих жизней, которые проходили через него, оставляя след.

Он знает: завтра утром придут рабочие. Придут с кусачками, с ломиками, в синих робах, с матом и сигаретами. Один

скажет: «Этот, что ли? Старьё, ему сто лет». Другой ответит: «В металлолом, на переплавку». Они перекусят провода, и ток умрёт. Погрузят в грузовик и увезут туда, где переплавляют память в новые сковородки и автомобильные детали. Где-то на кухне в Китае бабушка будет жарить яичницу на сковороде, в которой, может быть, останется эхо его голосов.

Эта ночь – последняя.

Меня убьют завтра утром. Сегодня – последняя ночь. Ток слабеет, но память оживает. Голоса рвутся наружу. Я слушал их сорок лет. Теперь они хотят говорить. Я должен успеть вспомнить всё. Каждый звонок. Каждое слово. Каждую секунду тишины.

Ветер хлопает дверцей будки. Петли скрипят, как старые кости. Где-то в проводах потрескивает статика – короткие, нервные разряды. Таксофон чувствует их как пульс. Сорок лет этот пульс был ровным, теперь он сбивается, затихает, вспыхивает снова. Иногда кажется, что провода гудят в унисон с его воспоминаниями: низкое «уууу» – это пьяный 1998-го, высокое «иии» – это девочка с четвёркой.

Он вспоминает первый звонок. 1983 год. Молодая женщина, пахнувшая духами «Красная Москва» (тогда эти духи были роскошью), звонила в роддом. Стояла осень, листья падали на крышу будки, и она улыбалась, хотя её не было видно. «Мальчик? У меня мальчик? Спасибо, Господи!» Тогда его лампа горела ярко, как маленькое солнце. Он чувствовал тепло её радости, и ему казалось, что он тоже причастен к

этому счастью.

Потом были другие звонки. Тысячи. Десятки тысяч. Он научился различать людей по голосам, по дыханию, по паузам. Научился чувствовать, когда человек врёт, когда боится, когда любит. Он стал исповедником для тех, кто не мог пойти в церковь. Для тех, кто ночью, в темноте, на пустыре, набирал номер и говорил то, что не мог сказать при свете дня.

Теперь лампа едва теплится – тусклый жёлтый свет, похожий на умирающую свечу. Она мигает, когда ветер особенно силен, и тогда тени внутри будки начинают плясать, как призраки.

Рядом с будкой возникает движение. Рыжая кошка с белым пятном на груди выходит из кустов, останавливается, смотрит на таксофон немигающими зелёными глазами. Муся. Она уже приходила к доске объявлений, к клавиатуре, к манекену, к мусоропроводу, к автобусному сиденью. Теперь она здесь. Она всегда приходит туда, где память собирается умирать. Может быть, она чувствует это – запах смерти, который не слышен людям. Или просто знает, что вещи, как и люди, нуждаются в провожатых.

Кошка подходит ближе, трётся о металлическую стойку. Её шерсть оставляет на ржавчине рыжие волоски – крошечные следы жизни. Она мурлычет. Звук тихий, вибрирующий, он проникает в микрофон трубки, превращается в слабый электрический сигнал. Таксофон чувствует это мурлыканье

как тепло, как напоминание: ты не один. Ты был не зря.

Муся садится у будки, поднимает голову к луне и замирает. Она будет здесь всю ночь. Будет слушать голоса вместе с ним. Иногда она будет вскидывать уши, когда какой-то особенный звонок прорвётся сквозь шум. Иногда будет зевать и снова замирать. Она – хранитель. Она – свидетель.

В проводах щёлкает реле. Где-то в сети, в сплетении тысяч километров кабеля, происходит короткое замыкание, или просто время даёт сбой. Но для таксофона это сигнал. Он знает: пора. Ток слабеет с каждой минутой, и если не сейчас, то голоса умрут вместе с ним, так и не рассказанные.

Первый звонок прорывается сквозь шум. Гудок – длинный, протяжный, как стон. Потом второй. Третий.

Где-то в глубине микросхем оживает память. 1998 год. Пьяный мужчина, пахнувший перегаром и отчаянием. Он стоит в этой будке, шатаясь, и набирает номер дрожащими пальцами. «Люба... прости...» – его голос звучит в таксофоне так отчётливо, будто это было вчера.

Лампа вспыхивает ярче. Мусястораживает уши.

Голоса начинают говорить.

СТЕНОГРАММА ЗВОНКОВ

23:15 | 14 марта 1998

Пьяный («Люба, прости...»)

Тишину разрывает гудок. Длинный, хриплый, как дыхание астматика. Лампа таксофона мигает, вспыхивает ярче, и сквозь шум времени прорывается первая запись.

Запах: перегар, дешёвый портвейн «Три семёрки», мокрая синтетика. Грязь под ногами хлюпает – недавно прошёл дождь, и пустырь превратился в болото. Человек в рваном пальто, с чёрными от грязи полами, подходит к будке. Ему лет сорок пять, но выглядит на шестьдесят. Щетина, мешки под глазами, руки дрожат. Он долго не может попасть в прорезь для монет – пальцы не слушаются.

Наконец монета падает, щёлкает механизм. Человек набирает номер. Сбивается, начинает снова. С третьего раза получается. Гудки – длинные, тягучие.

Воспоминание таксофона: 1985 год. Заводской гудок. Этот же человек – молодой, в чистой спецовке, с получкой в кармане – звонит жене: «Люба, я премию получил! Куп-

лю Кольке велосипед!» Голос тогда был звонкий, уверенный. Через год – сокращение. Ещё через год – первая пьянка.

– Люба... это я... – голос хриплый, срывается. – Прости... я не хотел...

Пауза. В трубке слышно дыхание – тяжёлое, с присвистом. На том конце поднимают трубку. Женский голос, заспанный, раздражённый:

– Алло? Кто это? Вы знаете, который час?

– Люба, не вешай трубку! – кричит мужчина. – Я знаю, ты злишься... я больше не буду... я закодируюсь... вот тебе крест!

– Вы ошиблись номером, – голос женщины становится ледяным. – Нет здесь никакой Любы. Два часа ночи, люди спят.

– А кто это? – мужчина удивлённо моргает, пытаясь сфокусироваться на цифрах. – А куда я попал?

– В квартиру к одинокой пенсионерке, идиот! – женщина уже не скрывает злости. – Сейчас собаку спущу, она у меня овчарка!

– погоди, бабуля... – мужчина икает. – А может, выпить хочешь? У меня ещё есть... Я сейчас приду, посидим, поговорим...

– Я милицию вызову! – визжит женщина и бросает трубку.

Короткие гудки. Мужчина смотрит на трубку, не понимая, что произошло. Потом начинает набирать снова, но пальцы соскальзывают, и он попадает на автоответчик какой-то фирмы: «Вы позвонили в офис компании «Рога и копыта». Мы

работаем с 9 до 18...»

– Люба! – орёт он в трубку. – Вернись! Я без тебя пропаду!

Механический голос продолжает: «...оставьте ваше сообщение после сигнала». Писк. Мужчина молчит, потом тихо говорит:

– Люба... прости... я люблю тебя... – и вешает трубку.

Он выходит из будки, делает несколько шагов и падает прямо в лужу. Лежит, глядя в небо, на редкие звёзды, пробивающиеся сквозь облака. Губы шевелятся – может, молится, может, ругается.

Таксофон чувствует, как трубка ещё хранит тепло его ладони. Пахнет перегаром и отчаянием. Лампа мигает в такт его затихающему дыханию.

Где-то далеко взрываются петарды – старый Новый год, который кто-то празднует до сих пор. Для этого человека праздник кончился много лет назад.

Флешбэк угасает. Запись стирается, но остаётся в памяти таксофона: один из тысяч голосов, кричащих в пустоту.

23:42 | 12 мая 2005

Ребёнок («Мам, я двойку исправил!»)

Следующий звонок врывается свежим ветром. Запах: цветущая сирень, мел, школьная форма, только что вымытые полы. Лампа таксофона теплеет, становится мягкого жёлтого цвета.

Будка другая, но та же. Весна. На стекле – отпечатки детских ладошек. На асфальте – классики, нарисованные мелом. Мальчик лет восьми, в школьной форме, с портфелем за спиной, запыхавшись, вбегает в будку. Он подпрыгивает, чтобы дотянуться до трубки, и наконец хватает её.

Глаза горят, щёки красные – бежал со всех ног. Монеты зажаты в кулаке, он кидает их в щель, дрожа от нетерпения. Набирает номер по памяти, путается, сбрасывает, набирает снова.

Гудки. Мама берёт трубку:

– Алло? – голос усталый, женский, слышен звук телевизора.

– Мама! – кричит мальчик. – Мама, я двойку исправил! Петров мне четвёрку поставил! По русскому! Представляешь?!

– Молодец, сынок! – в голосе матери появляется тепло. – Я же говорила: если заниматься, всё получится.

– Я весь урок сидел, ни с кем не разговаривал! – тараторит мальчик. – А Петров сказал, что если я ещё постараюсь, то и пятёрку смогу!

– Конечно, сможешь. Ты у меня умница.

– Мам, а можно я пойду погуляю? Во двор? Там Вовка с Петькой уже ждут, мы в футбол хотели...

– А уроки? – мать вздыхает.

– Нет уроков! Всё сделал! Честное слово!

– Ладно, иди. Только недолго, через час чтобы был дома. И оденься теплее, вечером прохладно.

– Ура! Спасибо, мамочка! Я люблю тебя!

– И я тебя, зайчик.

Мальчик бросает трубку и вылетает из будки, чуть не сбивая с ног прохожего. Слышен его смех, топот, потом крик: «Вовка, я иду!»

Таксофон провожает его взглядом (насколько может). Лампа светит ровно, тепло. В трубке ещё слышен запах маминых духов – дешёвых, цветочных, и почему-то яблочного пирога.

Флешбэк таксофона: он знает, что будет дальше. Через шесть лет этот мальчик, уже подросток, будет звонить из летнего лагеря, просить забрать его домой. Через двенадцать – из армии, короткие гудки, мать будет плакать. Через семнадцать – из окопа, кричать: «Мам, я скоро вернусь». А потом

позвонит «груз 200».

Но сейчас – только смех, только счастье, только +36,6 детского тепла.

Лампа мигает и гаснет. Запись уходит в архив.

00:07 | 22 февраля 2010

Старик («Сынок, приезжай...»)

Новый звонок начинается с кашля. Сухого, надрывного, старческого. Таксофон чувствует вибрацию – трубка дрожит в руках человека, который с трудом держится на ногах.

Запах: лекарства, старость, нафталин и что-то больничное – хлорка? Нет, скорее уксус. Старик в ватнике, с палкой, опирается на стенку будки. Ему за восемьдесят. Морщины прорезают лицо, как трещины в старой коре. Глаза выцвели, но в них ещё теплится жизнь.

Он долго набирает номер – пальцы дрожат, попадают не туда. Сбрасывает, начинает снова. Наконец слышны гудки. Старик ждёт, тяжело дыша, прикрыв глаза.

– Алло? – молодой голос, слышен звук телевизора, смех, какая-то передача.

– Сынок... это отец... – голос старика прерывается кашлем.
– Сынок, мне плохо... сердце... приезжай...

– Батя? – в голосе сына раздражение. – Ты чего в полночь звонишь? Я на работе завтра с утра.

– Сынок, я боюсь... один... темно... – старик всхлипывает.
– Скорую вызови, а?

– Ты таблетки выпил?

– Выпил... но не помогает... Сынок, приезжай...

– Батя, я не могу. Завтра с утра заеду. Ты ложись, поспи. Всё будет нормально.

– Сынок... – старик хочет что-то добавить, но в трубке уже короткие гудки.

Он опускает руку с трубкой, смотрит на неё с недоумением. Потом вдруг резво, с неожиданной для его возраста силой, снова приставляет трубку к уху и набирает номер. Но пальцы путаются, цифры прыгают.

– Алло, пиццерия? – отвечает сонный голос.

– Сынок? – старик не понимает. – Это опять я... приезжай... мне очень плохо...

– Дедушка, вы пиццу заказывали? – удивляется голос. – С чем? С грибами? С колбасой?

– Какую пиццу? – старик моргает. – Ты что, сынок, с ума сошёл? Я умираю!

– А... простите, ошиблись номером.

Гудки. Старик долго стоит, держа трубку, из которой уже давно вылетели все монеты. Потом опускает её на рычаг и медленно выходит из будки. Палка стучит по асфальту – раз, два, три, четыре... метроном уходящей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.